отвечают основной методической установке: выработать у студентов навыки работы с латинским текстом. Задача облегчается тем, что тексты снабжены постатейным словарем, помещенным в конце книги. Число предложений и связанных текстов таково, что предоставляет широкую возможность для работы над переводом — важнейшим видом деятельности в обучении латинскому языку — как в аудитории, так и дома. Содержательная сторона их отвечает требованиям познавательности и идейной направленности. В текстах и фразах освещаются различные стороны жизни античного общества, а также общечеловеческие морально-этические нормы древних, которые включает в себя коммунистическая мораль.

Некоторые возражения вызывает последовательность грамматического материала, предлагаемая авторами: разобраны времена системы инфекта, системы перфекта. Наиболее важную грамматическую тему «глагол» целесообразнее было бы изучать в системе. Несколько преувеличенное значение авторы придают такому виду упражнений, как перевод с русского языка на латинский, незаслуженно исключив при этом традиционные упражнения лексико-грамматического характера. Учитывая ограниченность времени, отводимого по плану на изучение латинского языка, необходимость в большом количестве русских предложений для перевода представляется спорной.

Хрестоматия составлена из избранных мест авторов классической, а также ранней и поздней латинской прозы. Широкий круг поэтов, представленных в хрестоматии: Лукреций, Катулл, Вергилий, Гораций, Овидий, Марциал. Подбор произведений сделан с таким расчетом, чтобы дать представление о различных латинских стихотворных размерах и стихах. Авторы постарались, чтобы отрывки из оригинальных произведений отличались по своему составу от хрестоматий в других стабильных учебниках. Общеобразовательное значение имеют сведения об авторах, приводимые в учебнике.

В заключение следует отметить, что учебник А. А. Дерюгина и Л. М. Лукьяновой «Латинский язык» написан на высоком научно-методическом уровне с учетом в теоретической части специфики филологического образования. Он отвечает требованиям к литературе подобного рода.

Н. А. Гончарова

Христо Първев. Очерк по история на българската граматика. София, «Наука и изкуство», 1979, 388 с.

Книга болгарского ученого Христо Първева «Очерк истории болгарской грамматики» — это капитальный обзор грамматических учений в Болгарии. Начиная с «Болгарской грамматики» Неофита Рильского (1835), автор выделяет три основных периода в развитии язы-

коведческой мысли у себя на родине: грамматика эпохи болгарского Возрождения (до освобождения страны из-под турецкого ига), грамматика в период от Освобождения до Второй мировой войны и грамматика в годы народной власти (с 1944 года). Многочисленные и разномасштабные исследования грамматического строя болгарского языка приводятся в книге в единую систему, получают свое место в общем процессе эволюции научного познания. Из описания становится очевидной и роль, которую играли в истории болгарской лингвистики ее крупнейшие представители: Н. Рильский, Б. Цонев, С. Младенов, А. Теодоров-Балан, Л. Андрейчин.

По свидетельству Х. Първева, в развитии болгарской — грамматической мысли наблюдается постепенное «сближение» теории с языковой действительностью, что отражается, в частности, в демократическом и динамическом характере норм современного литературного языка. Особо пристальное внимание уделяется в книге истории таких категорий, которые обуславливают типологическую специфику болгарского языка: это падеж и определенность у существительного, время и вид у глагола. Работу читателя облегчает помещенный в конце «Очерка» тематический указатель.

Следует отметить, что под историей грамматики в рецензируемой книге фактически подразумевается история морфологических учений; синтаксические же проблемы рассматриваются лишь мимоходом. И упрекнуть здесь автора в предвзятости нельзя: такова объективная «расстановка сил» в истории самого болгарского (и не только болгарского) языкознания. Правда, на с. 25 читаем следующее: «Если лет десять назад все еще можно было говорить о проблемах предпочитаемых (например, морфологических) или пренебрегаемых (например, синтаксических), то сегодня исследования ведутся по всем направлениям». Но в том-то и дело, что «Очерк» несет на себе явную печать ретроспекции: весь обзор обращен в прошлое. С одной стороны, это придает книге особую ценность. Она может с успехом выполнять функцию своего рода справочника-путеводителя по изданиям прошлого и начала нынешнего веков, труднодоступным для современного филолога (трудам Н. Рильского, Х. Павловича, И. Богорова, И. Момчилова, П. Калканджиева и др.). С другой стороны, превосходно ориентируясь в «архивной» грамматике, Х. Първев фактически заканчивает свой обзор на втором периоде истории болгарского языкознания, предоставляя читателю право самому анализировать и систематизировать грамматические концепции последних десятилетий. Хотя наибольшую пользу исторический обзор приносит, по нашему убеждению, тогда, когда он непосредственно нацелен в будущее, оплодотворен дискуссиями сегодняшнего дня. Классический тому пример — «Русский язык» В. В. Виноградова, и поныне сохраняющий свое теоретическое значение в русистике.

Не менее последовательно, чем хронологическое, Х. Пырвев соблюдает и второе принятое им ограничение — национально-территориальное: очерк охватывает разработку проблем болгарской грамматики исключительно в трудах болгарских ученых. Думается, однако, что книга только выиграла бы от привлечения работ зарубежных, в частности, русских и советских болгаристов. Трудно, например, представить себе полную картину развития глагольного вида в болгарском языке без учета монографических исследований советского слависта Ю. С. Маслова. И уж если самому обзору можно только пожелать большей полноты охвата грамматических концепций, то приложенная к очерку библиография в этом отношении просто непоследовательна. В эту библиографию включены и отдельные работы иностранных авторов (в том числе изданные за пределами Болгарии), но подбор их весьма произволен. Включена, скажем, книга Е. В. Чешко «История болгарского склонения» (М., 1970), но отсутствуют одновременно с ней вышедшие исследования И. К. Буниной об истории болгарских глагольных времен и М. Г. Рожковской о синтаксисе прилагательных в болгарском языке. Указан «болгарский» выпуск «Кратких сообщений Института славяноведения АН СССР», но не упоминается фундаментальный сборник «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (М., 1959). Следовало бы, на наш взгляд, расширить библиографию и за счет некоторых работ болгарских ученых, в частности, типологических штудий И. Лекова, важных для развития не только славянского, но и собственно болгарского языкознания. Встречаются в книге и досадные технические погрешности. Так, первый том «Истории болгарского языка» Б. Цонева вышел в 1919, а не в 1921 году (с. 17). На с. 72 текста есть ссылка на статью того же автора (позиция 338а), но в библиографии этот номер вообще отсутствует, равно как и упомянутая на с. 46 под номером 413 работа А. Теодорова-Балана.

Указывая на эти недостатки, нельзя забывать, что книга Х. Пырвева — первый подобного рода опыт в болгарской лингвистике. Надо надеяться, что «Очерк истории болгарской грамматики» сослужит добрую службу всем тем, кто занимается изучением и преподаванием грамматики родственного нам славянского языка.

Б. Ю. Норман

Пр а н а с Г р а ж и с. Д о с т о в е с к и й и р о м а н т и з м. В и л ь н о с, «Мокслас», 1979, 171 с.

Не так далеко время, когда о романтизме писали мало и робко. Сейчас романтизм и комплекс связанных с ним вопросов — далеко не целина. Однако остается много неясного и неисследованного. И прежде всего — это вопросы

развития романтизма в период расцвета критического реализма.

П. Гражис вносит много нового и интересного в истолкование данной теоретической проблемы. Связывая появление того или иного литературного направления с определенными историческими условиями, он признает исключение за реализмом и романтизмом, которые, возникнув в определенных условиях, не ушли в прошлое вместе с вызвавшей их эпохой, так как в их основе — общечеловеческий характер мироощущения. Искусство доромантических художественных систем так или иначе определялось особенностями политических, философских, нравственно-этических, эстетических взглядов эпохи. С романтизмом дело обстоит несколько иначе. «Романтическое художественное творчество воплощает в себе представления о мире, непосредственно отражающие неконкретные социально-идеологические и прочие формы бытия общества своей эпохи. Оно выражает сферу жизни сознания (личности, общественных групп, народов), разочаровавшегося в социальных порядках, в философских и познавательных теориях, в идеологии и нравах; сознания, противопоставившего себя порядкам объективного мира и устремленного к иным идеалам, отвечающим его потребностям» (21). Таким образом, романтическое искусство связано со взглядом на мир, не нашедшим еще своего претворения в жизни, хотя и сформировавшимся под влиянием жизненных импульсов.

Пафос романтизма — в своеобразном отчуждении от внешнего мира, бунте против него и устремленности к идеальным формам бытия и человеческих отношений. И даже тогда, когда жизнь выдвинула на первый план исследование конкретных явлений объективного мира, отношения человека к действительности иногда принимали романтический характер. О специфике романтизма в период развития критического реализма писали многие исследователи, но в книге П. Гражиса эти мысли получили исключительную теоретическую доказательность. Научная постановка проблемы «Достоевский и романтизм» — результат четкой разработки данного вопроса.

Несмотря на большие успехи в изучении творчества Достоевского в последнее десятилетие, проблема соотношения реалистического и романтического образного отражения в его творчестве остается наименее разработанной, хотя и одной из актуальнейших. Монография П. Гражиса — первое серьезное исследование этой темы. Романтические тенденции в творчестве Достоевского-реалиста рассматриваются на всех уровнях: художественного метода, содержания, поэтики. Автор сосредоточил внимание на самом важном — характере миропонимания Достоевского, вскрыв в нем основу как для реалистической, так и романтической образности. Во всех компонентах метода (предмете изображения, концепции человека и среды,